

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Н. В. БЕКЛЕМИШЕВА О МОЧАЛОВЕ И БЕЛИНСКОМ

Публикация М. Барановской

Автор публикуемого письма — Николай Васильевич Беклемишев (1817—1866) был близким другом гениального русского актера-трагика Павла Степановича Мочалова (1800—1848). Именно Беклемишеву посвятил Мочалов свое стихотворение «Русское спасибо», в котором писал:

Полюбил я тебя, добра молодца, —
Отвечал ты мне на любовь мою
Чистым сердцем — речью сладкою..
Мы ответами поменялися, —
Не стаканами, не бокалами,
А сердцами крепко чокнулись,
И душа душе аукнулась...
Ну, пойдем же, друг, рука об руку
Искать радости, не бывалой здесь,
А встречать одну долю горькую...

(Альманах «Литературный кабинет. Труды артистов имп. Московских театров», М., 1842, ч. II, стр. 11—12).

Второстепенный драматург и театральный критик, сотрудник «Литературной газеты» и «Пантеона» 1840-х годов, Беклемишев не оставил сколько-нибудь заметного следа в истории русского театра. Его две драмы — «Жизнь за жизнь» и «Майко», промелькнувшие в репертуаре Малого театра, не могли удержаться на сцене, несмотря на исполнение главных ролей самим Мочаловым. Известно, что Беклемишев вел дневник, в который заносил сведения о жизни Малого театра 1830—1840-х гг. Дневник этот до сих пор не разыскан, и, если не считать процитированного в книге Ю. Соболева «Павел Мочалов» (М., 1937, стр. 141—142) письма Беклемишева к Ф. А. Кони, свидетельства Беклемишева о Мочалове и театральной жизни Москвы до сих пор оставались неизвестными.

Публикуемое ниже письмо Беклемишева к некоему Василию Павловичу (лицу, нам не известному), повидимому, предназначалось автором для печати и фактически является не чем иным, как мемуарами о Мочалове. Не отличаясь особой глубиной, воспоминания Беклемишева, тем не менее, представляют несомненный интерес как для биографии Мочалова, до сих пор мало изученной, так и для биографии Белинского, обогащая последнюю не известными до сих пор данными о взаимоотношениях критика с великим актером. Как явствует из воспоминаний Беклемишева, отношения Белинского и Мочалова не ограничивались редкими и случайными встречами, как можно было судить по односторонним и отрывочным сведениям, имевшимся до сих пор в распоряжении исследователей. Не было известно также и о переписке Мочалова

с Белинским. Особый интерес представляет краткое изложение Беклемишевым содержания не дошедших до нас писем Белинского о лермонтовском «Маскараде».

Наброшенное Беклемишевым описание театральной и литературной жизни Москвы 1830-х годов, любопытные подробности о вечерах Н. С. Селивановского, посещавшихся Мочаловым и Белинским, сведения о близком знакомстве Белинского с профессором И. Е. Дядьковским — все это также придает публикуемому письму значение ценного мемуарного источника.

ПИСЬМО Н. В. БЕКЛЕМИШЕВА — НЕИЗВЕСТНОМУ

⟨Москва, 23—25 марта 1852 г.⟩¹

Вы желали, почтенный Василий Павлович, узнать от меня о друге моем незабвенном и горячо любимом и любимом после смерти Павле Степановиче ⟨Мочалове⟩. Слеза пробивает глаза и мешает писать, так он дорог был всегда моему сердцу. Мы были с ним всегда вместе и в радости и в горе. Это был настоящий друг и более познавался в горе, в горе помнящий о друзьях своих. Этим он всегда и был дорог друзьям своим.

Я с ним встретился в театре, и тотчас мы стали своими.

Приезжая из полка домой, я часто с ним видался у общих друзей наших Селивановских.

Мы с ним любили незабвенного Николая Семеновича, которого неделю назад похоронили, доброго, гостеприимного, оказывавшего и добрым знакомым и мало знакомым идущую от сердца хлеб-соль². Такова супруга его³, которая безутешна в горе своем.

У Селивановского всегда подавались гостям два напитка: домашний квас и красное вино. Летом мы ездили к нему в Симоновскую слободу, и там я встречал у него за столом и больших и малых людей.

Часто там бывали Щепкин⁴, Дядьковский⁵, И. и П. Ключниковы⁶, Инозетцев⁷, Крюков⁸, Степанов⁹ и Мочалов. Там же я встречал Белинского¹⁰, раза два Кольцова¹¹, сидевшего рядом с Мочаловым, и однажды, это было зимою, когда Селивановский жил в своем доме на Дмитровке. Многих литераторов и музыкантов видал я там, и особенно часто бывал там Варламов¹², которого все любили. Всех их привечал Николай Семенович. Хорошо нам бывало у Селивановских. Много здесь бывало рассуждений о том, о сем и о прочем. Лилось вино, велись беседы, читали повести и стихи. Мочалов с Щепкиным читали монологи.

Большого собрания Мочалов не любил и даже не входил в дом, когда видел большой прием. А когда бывало мало людей и особенно ему приятных, то он сидел подолгу, его дивный голос ласково звучал. И что за голос был у него — звучащий из души — такой же прекрасной, как и голос его.

У него часто бывала черная немочь-тоска, что продолжалось несколько дней.

В эти дни он ничего не пил и не ел, а тосковал, лежал, отвернувшись к стене. Но как только тяжесть болезни проходила, он становился бодр, весел, радовался жизни, много читал и днем и ночью, беседовал с нами — любящими его и играл в театре, как бог. По воскресеньям ездил на Воробьевы горы, и сколько он там делал добра, скажет вам доктор Гааз¹³.

Если бы вы знали, как Павел Степанович был добр, хорош с людьми: бедному неимущему он отдавал последнюю рубашку, последний грош, и все это он делал от сердца — ничего не жалея. Он искал на чердаках бедных студентов, находил их и давал что мог. И его все любили.

Бывало читает он у Селивановских Козлова, Баратынского и под конец — последнее опять Козлова, которого любил всей душой, его стихотворение «На погребение генерала сира Джона Мура». А как он его читал — словно музыка печальная звучал его голос, и как я любил его в эти минуты!

Не бил барабан перед смутным полком,
 Когда мы вождя хоронили,
 И труп не с ружейным прощальным огнем
 Мы в недра земли опустили.

Эти строфы он читал спокойно всегда, берясь за душу. Когда же он доходил до места:

О нет, не коснется в таинственном сне
 До храброго дума печали!
 Твой одр одинокий в чужой стороне
 Родимые руки постлали —

Н. С. МОЧАЛОВ В РОЛИ ЧАЦКОГО
 Миниатюра неизвестного художника, 1830-е гг.
 Государственный музей ТАССР, Казань

здесь его голос звучал скорбью, в нем слышались рыдания. И как изменялось его лицо при чтении этих строф! Казалось, он стоит у родной могилы. Я смотрел на него и видел печальное лицо, глаза, полные слез, и какой скорбный излом появлялся у его бровей!

Всех слушающих его пронимал холод, все поеживались.

Любил он читать стихи Пушкина. Я был на обеде у Селивановского. Там были: Щепкин, Крюков, Иноземцев, Павел Степанович, Ключниковы. За десертом Крюков попросил Павла Степановича почитать Пушкина. Это была вдохновенная минута, когда Крюков обратился к нему. Павел Степанович читал одно за другим стихи Пушкина. Он стоял у стола, скрестив руки, немного склонив голову, и как читал! Как звучали они, я воспринимал их по-новому. Павел Степанович давал им смысл жизни.

В это время пришли Дядьковский с Белинским. Это все трудно забыть, да и не забуду я всего, что связано с Павлом Степановичем, никогда, до конца дней.

До чаю Дядьковский с Крюковым играли в шахматы, Белинский и Павел Степанович сидели рядом. Дядьковский с Белинским заговорил о Шолье¹⁴

МОЧАЛОВ ЧИТАЕТ БЕЛИНСКОМУ МОНОЛОГ ГАМЛЕТА

Рисунок Б. И. Лебедева, 1947 г.

Собрание художника, Пенза

Павел Степанович внимал им, боясь проронить одно слово, и любовно глядел на них обоих. Кто-то к нему зачем-то обратился, он недовольно отмахнулся и отвернулся. Он мне сказывал, как он, Ключниковы, Белинский и Дядьковский ходили обедать к Печкину¹⁵ и сколько хорошего он черпал из бесед с ними!

Однажды он был больным и лежал в простуде. У него сидели мы с Дядьковским и Петром Ключниковым. Он говорил, что любит нас, что мы все ему словно кровные — родные, и говорил, как он любит Ивана Ключникова и Белинского.

Очень много для Павла Степановича делал Иван Ключников. Он его любил и жалел, когда тот запивал и бушевал. Павел Степанович благоговел перед Дядьковским, Белинским и Крюковым и перед последним ко всему еще и робел. Как-то, это было зимним вечером, мы все сидели у него, еще с нами был Ленский¹⁶. Дядьковский жаловался на болезнь глаз и ног и сказывал, что собирается в Пятигорск.

Белинский добавил, что и он совсем оставляет Москву и переселяется в Петербург. Павел Степанович схватил его за руку и проговорил: «Как же вы уедете, так и уедете совсем, а я как же без вас-то здесь буду?» И словно облако набежало на его до того оживленное лицо¹⁷.

У Павла Степановича на столе справа лежали в сафьяне книжки «Московского наблюдателя» с разбором Гамлета, сделанным Белинским¹⁸, и сверху стихи Ивана Ключникова, который, так любя и ценя Павла Степановича, написал их, полный горечи, увидя его после первого представления Гамлета, поутру в трактире и буянившего с половым¹⁹.

Не один раз он при мне читал эти стихи, прижимал их к груди и плакал. Когда он готовил новую роль, он вникал в нее, рассуждал о ней с нами, и переживал ее. Он жил чувствами того, кого представлял, постигая харак-

тер его. Прежде всего он разбирал все, что представил сочинитель, а уж потом брался за роль.

Он любил обо всем этом беседовать с Крюковым, Белинским и Дядьковским. Он прислушивался всегда к словам их, вникал в них и со мной подолгу говорил о беседах с ними.

Павел Степанович не раз жалел, отчего у нас нет русских трагедий и драм. Он вспоминал, когда еще мы не знали друг друга, как он по совету Щепкина хотел поставить в свой бенефис трагедию «Ермак» Хомякова, но ничего не мог сделать, хоть и хлопотал много²⁰. После смерти Лермонтова он захотел поставить опять-таки в свой бенефис — его «Маскарад»²¹. Эту драму всё запрещали. Павел Степанович писал Белинскому: разъяснял ему, как он понимает Арбенина, его характер, все оттенки его существа, и считал, что зловещий образ Арбенина он даст верно, т(ак) к(ак) постиг его. Белинский благословил его на это, но как в воду посмотрел, написав, что не дозволят, так оно и вышло. А Мочалов хлопотал три раза и без успеха. «Маскарад» заменил он «Лиром» и как радовался, словно малое дитя, когда получил похвалу от Белинского, поставившего его в «Лире» выше Каратыгина!²²

Однажды мы сидели с Павлом Степановичем в «Британии». Туда зашел Кетчер. Павел Степанович, разговорившись с ним, пожалел, что у нас нет русской трагедии — «Иван Грозный». Я бы сыграл Грозного — говорил он, я бы весь театр потряс, уж как мне хочется Грозного сыграть! Степанов меня загримировал (бы) как надо.

Не дожил наш Мочалов до русских драм и трагедий, а он бы мог еще долго жить.

В последние месяцы жизни Павел Степанович все вспоминал Кольцова. Он сказывал мне, как они любили друг друга и какой отзвук находили в душе один у другого.

ДОМ № 7 В КРЕСТОВОЗДВИЖЕНСКОМ ПЕРЕУЛКЕ В МОСКВЕ. ЗДЕСЬ ЖИЛ
В 1830-х гг. П. С. МОЧАЛОВ, И ЗДЕСЬ У НЕГО БЫВАЛ БЕЛИНСКИЙ

Фотография А. А. Сергеева, 1950 г.

Письма Кольцова, Белинского и Сосницкого он бережно хранил в своем ларчике и не раз при мне перечитывал их. Когда он ходил по улицам — все извозчики, дворники и прохожие узнавали его. Как-то мы с ним шли по Ордынке, он был навеселе, два извозчика узнали его и предлагали подвезти. Он остановился перед ними и стал им читать «Чернеца» Козлова. Два раза прочел посвящение, собрались многие и слушали его. Голос у него дрожал, махнув рукой, он тихо пошел со мной.

И в театре все служители его любили. Он делал им что мог и помогал в нужде.

Мочалов любил чтобы перед началом представления играли увертюры к «Норме» и «Фрейшицу». Он стоял на сцене, слушал, опустив голову, словно что-то думал.

Любил он весной, когда уже все было зелено, бродить по Москве, словно изучал ее. Ходил в Кремль, заходил в соборы, смотрел все в них, будто никогда их не видал.

Иногда к обедне и ко всенощной ходил к Николе Большой крест, долгу стоял на его крыльце и ходил вокруг него, рассматривая его. В этом же храме его и отпели.

Я еще Вам, почтеннейший Василий Павлович, не все сказал о Мочалове. Это часть только о незабвенном и вечно мною любимом до конца дней моей жизни — дорогом Павле Степановиче.

Ваш Николай Б е к л е м и ш е в

Автограф: МОГИА, ф. попечителя Моск. учебн. округа.

¹ Датируется на основании упоминания Беклемишева о Н. С. Селивановском, «которого неделю назад похоронили». Селивановский умер 15 марта 1852 г. в Москве (см. «Московский некрополь», т. III, СПб., 1908, стр. 88).

² Николай Семенович С е л и в а н о в с к и й (1806—1852) — сын известного издателя, владельца типографии в Москве. В 1834—1835 гг. сотрудничал в «Молве». В это время он, вероятно, и познакомился с Белинским. См. еще прим. 10.

³ Екатерина Федоровна С е л и в а н о в с к а я (ум. в 1860 г.).

⁴ Михаил Семенович Щ е п к и н (1788—1863).

⁵ Иустин Евдокимович Д я д ь к о в с к и й (1784—1841) — врач-диагност, в 1831—1836 гг. профессор медицинского факультета Московского университета. Один из первых русских материалистов-биологов, был близок к литературным кругам. См. о нем в заметке В. Сморова в «Лит. наследстве», т. 45—46, 1948, стр. 715—718.

⁶ Иван Петрович К л ю ш н и к о в (1811—1895) — поэт и его брат Петр Петрович К л ю ш н и к о в (род. в 1812 г.) — врач. См. о них в настоящем томе, стр. 113, 119—120, 122 и др.

⁷ Федор Иванович И н о з е м ц е в (1802—1869) — знаменитый врач. С 1835 г. — профессор практической хирургии в Московском университете.

⁸ Дмитрий Львович К р ю к о в (1809—1845). С 1835 г. — профессор римской словесности и древностей в Московском университете.

⁹ Петр Гаврилович С т е п а н о в (1800—1861) — артист Малого театра, художник-гример. Белинский упоминает о его «божественном» передразнивании Каратыгина в письме к М. А. Бакунину в июле 1838 г. («Письма», I, 203).

¹⁰ Белинский бывал иногда на вечерах у Селивановского, где и познакомился с П. С. Мочаловым, а также с А. Д. Галаховым и В. П. Боткинским.

1 ноября 1837 г. Белинский писал М. А. Бакунину: «Я познакомился с Мочаловым на вечере у Селивановского, где Полевой читал два акта своей оригинальной драмы „Граф Уголино“; за ужином Мочалов и Щепкин, по просьбе Полевого, говорили последние монологи из „Горе от ума“ — славный был вечер, хотя и у Селивановского!» («Письма», I, 138—139).

16 января 1841 г. Белинский в письме к В. П. Боткину дал резкую характеристику Селивановскому, но с благодарностью отозвался о его вечерах: «Я вспомнил о моей ни на чем не основанной ненависти к С — му (протоканале). Из чего мы все вдруг взбеленились на него — разве и прежде мы знали его не таким, каким увидели его после? В нем много эгоизму, бездна самолюбия, маловато чести, несколько благородства, он мелочен, сплетник, не может быть ничьим другом, а тем менее кого-нибудь из нас, но в нем много доброты природной, он умен, даже не без чувства, не без способности увлекаться (хоть на минуту) мыслию, а главное — он удивительно грациозен и достолюбезен во всех своих мерзостях...» Не его вина, если мы хотели видеть в нем для себя то, чем он ни для кого быть не может. Я бы теперь с удовольствием опять сошелся с ним. Я бы уж держал с ним ухо остро и не позволял бы ему забываться со мною — и мы были бы

довольны друг другом. Знаешь ли, что я иногда с умилением вспоминаю о его субботах, куда, вместе с порядочными людьми, напоздавали Воскресенские и прочие? Знаешь ли ты, что от одного такого вечера в Питере я бы целую неделю был счастлив?» («Письма», II, 208).

¹¹ Кольцов, очевидно, познакомился с Мочаловым в свой второй приезд в Москву в январе 1836 г. На вечерах у Селивановского он мог бывать и во время пребывания своего в Москве в январе 1838 г. Кольцов писал Белинскому 28 апреля 1840 г. о посещении его Мочаловым, бывшим на гастролях в Воронеже: «Он так же ко мне добр, хорош и ласков, каков был прежде, даже лучше» (Полн. собр. соч. А. В. Кольцова, под ред. А. И. Лященко, СПб., 1911, стр. 214).

¹² Александр Егорович В а р л а м о в (1801—1851) — известный композитор. Им написана музыка к песне Орелии для постановки «Гамлета».

¹³ Федор Петрович Г а в (1780—1853) — московский врач, известный своей общественно-филантропической деятельностью.

¹⁴ Гильом-Амфри Ш о л ь е (1636—1720) — французский поэт-эпикуреец. Высказывания о нем Белинского до нас не дошли.

¹⁵ П е ч к и н — владелец одного из московских трактиров.

¹⁶ Дмитрий Тимофеевич Л е н с к и й (Воробьев) (1805—1860) — известный водевиллист и актер Малого театра, друг Мочалова.

¹⁷ Эпизод этот происходил, повидимому, весной или осенью 1837 г., когда Белинский вел переговоры с Краевским о переезде в Петербург для постоянного сотрудничества в «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду».

¹⁸ Статья Белинского «„Гамлет“, драма Шекспира. Мочалов в роли Гамлета» была напечатана в «Московском наблюдателе», 1838 г. (март, кн. 1 и 2; апрель, кн. 1).

¹⁹ Стихотворение И. П. Ключникова «Katzenjammer» («Похмелье») («С мучительной, убийственной тоской...») было написано, по словам автора, «в раздумьи после вечера, где пьяный Мочалов говорил бессвязно дичь о своей собственной игре в „Гамлете“, которым упоил меня в тот же вечер <...> Когда Мочалов прочитал эти стихи, он до слез был тронут и потом всегда носил их с собою» (письмо И. П. Ключникова к Я. П. Полонскому. — «Лит. вестник», 1881, февраль, стр. 81—82).

²⁰ «Ермак» — трагедия А. С. Хомякова. Написана в 1825 г. Впервые поставлена на петербургской сцене в 1829 г. По совету Щепкина, Мочалов обратился в 1830 г. к М. П. Погодину с просьбой достать у Хомякова его трагедию для своего бенефиса (ЛБ. Архив Погодина, Пог. 11/47—48).

²¹ Имеется в виду бенефис Мочалова 21 января 1844 г., в Большом театре, в Москве. 29 марта 1843 г. В. П. Боткин писал А. А. Краевскому: «Мочалову очень хочется дать в свой бенефис, будущю зимою, драму Лермонтова „Маскарад“». Далее он просил Краевского получить разрешение у владельца рукописи драмы Киреева на ее постановку и добавлял: «Мочалов надоедает мне об этом целый месяц; отделаться я никак не мог и лучше решил принять от Вас „изрядное“ ругательство, нежели отказать Мочалову. Он говорит, что он воскреснет в этой драме» (И. А. Б ы ч к о в. Бумаги А. А. Краевского, СПб., 1893, стр. 126—127). Но николаевская цензура, видя в драме Лермонтова резкую критику «на современные нравы», упорно не пропускала ее на сцену, несмотря на возобновлявшиеся дважды хлопоты (с 1835 по 1843 г.). 6 мая 1843 г. «Маскарад» был представлен, очевидно, Краевским на рассмотрение в III Отделение, откуда рукопись не возвратилась (см. статью К. Ломунова «„Маскарад“ Лермонтова как социальная трагедия» в сб. «„Маскарад“ Лермонтова», М.—Л., ВТО, 1941, стр. 54—55).

Впервые «Маскарад» увидел сцену в 1852 г. в бенефис М. И. Валберховой. Мочалову же пришлось заменить его переводной французской пьесой «Мономан, или помешанный» (см. «Московские ведомости», 1844, № 8 от 8 января).

²² Беклемишев здесь спутал даты событий (см. предыдущее прим.). «Король Лир» Шекспира шел в бенефис Мочалова 4 января 1839 г. В заметке «Театральная хроника» («Московский наблюдатель», 1839, ч. I, кн. 2) Белинский писал о Мочалове в роли короля Лира на повторном спектакле: «Самые пламенные почитатели таланта г. Каратыгина и противники таланта Мочалова единодушно отдали преимущество последнему перед первым в роли Лира. Рукоплесканиям и вызовам не было конца» (IV, 119).